

Екатерина
Гордеева

Мечь ДОКТОРА
МОРРОУ

Екатерина Гордеева

Тень доктора Морроу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69924439

SelfPub; 2023

Аннотация

Жизнь Мэри Белл могла оборваться год назад, в канун Дня всех святых. Но девушке повезло – ее спас таинственный доктор Морроу. Пройдет ровно год, и Мэри вновь придется столкнуться с Тенью из прошлого. Только в этот раз спасти Мэри будет некому.

Екатерина Гордеева

Тень доктора Морроу

Мэри воткнула нож в ярко-оранжевую мякоть и принялась сосредоточенно вычищать тыквенные внутренности. Рутинные мысли потекли соразмерно неспешной монотонной работе.

«Что бы из неё приготовить? Кашу? Суп? Пирог? Или, может, всё сразу? Тыквы так много. Куда её девать потом?»

Девушка отвлеклась от работы, подперла рукой подбородок и уныло оглядела несколько пузатых, небольших тыковок, лежавших на кухонном столе.

«Нет, пожалуй, нужно что-то одно. Всё сразу – не осилю. Что-нибудь простое. Кашу, например. Ах нет! Какая каша! Сегодня ведь праздник. Может, всё-таки стоит попробовать тыквенный пирог по тому рецепту, который посоветовала миссис Дорис?»

Взгляд Мэри упал на карточки с рецептами, которые ей любезно одолжила миссис Дорис – кухарка из соседнего дома, женщина лет пятидесяти, худая, словно жердь, и в вечном черном платье.

«Миссис Дорис... иногда она смотрит на меня так, будто знает, кем я была раньше. А, может, и правда знает? Нет, доктор Морроу обещал никому не говорить. Это наша

тайна. Наша... как глупо звучит. Будто я и он... ах, ну что за мысли мне в голову лезут! Нет, нельзя даже думать о таком».

Девушка нахмурилась и продолжила выскрести мякоть. Когда тыква была почти полностью вычищена, Мэри проделала в ее стенках две дырки – получились глаза, вырезала линию – в кривой ухмылке расплылся рот. Готовый светильник Джека был водружён на деревянный круглый поднос. Затем Мэри взялась за следующую тыкву, выбрав совсем небольшую.

Последний раз Мэри вырезала фонарь Джека, когда... когда же это было? Лет в пять или шесть, когда ещё были живы родители и сестры. То была последняя осень, когда они вместе праздновали Хэллоуин. Пришла зима, а с нею – тиф, скосивший всю семью. Мэри чудом осталась жива и – одна. Её отправили в сиротский приют, а после пришлось перебиваться скудными заработками: то прачкой, то полумойкой, то гладильницей – кем придется. Пока Мэри не оказалась на улице. Продавать свое тело было прибыльнее, чем стирать чужие портки.

Девушка поставила вторую тыкву с вырезанной рожицей на поднос. Затем взяла огарок свечи, зажгла и поместила огонёк внутрь. Глаза в светильнике Джека недобро вспыхнули. Мэри вздрогнула. Перед мысленным взором сверкнули другие глаза – наполненные бешеной злобой и яростью. Прошел год, но Мэри по-прежнему иногда в кошмарных снах видела

тот жуткий взгляд.

Черные тучи, будто стая голодных волков, носились по темному небу, вгрызались в полную белую луну и мчались дальше. Холодный октябрьский ветер метался по улицам, тоскливо выл в подворотнях, жутко гудел в водосточных трубах.

Мэри, ярко покрашенная, в розовом платье с открытыми плечами, стояла на тротуаре, дрожа от холода. Мистер Харрингтон заставлял «своих девочек» носить только такие платья почти в любую погоду. Разве что зимой позволял набрасывать на плечи тонкую шаль.

Рядом наигранно смеялись товарки, зазывали проходящих мимо мужчин. Мэри улыбалась натянуто, через силу. Её бросало то в жар, то в холод, а перед глазами всё плыло. Когда к Мэри подошёл приземистый, с поросычьими глазками мужчина, спросил о цене, и они пошли в комнаты, девушка даже немного обрадовалась – всё лучше, чем стоять на улице.

Чуть позже Мэри распрощалась с клиентом и снова вернулась на продуваемый ветром пяточок у дешевой гостиницы. Лучше девушке не становилось. Наоборот – она чувствовала, что вот-вот упадет в обморок. Хотя мистер Харрингтон запрещал пить на работе, Мэри вынула из кармана маленькую фляжку и тайком отхлебнула жгучий ром, которым её

иногда снабжала рыжая Элис. «Помогает жить» – философски добавляла подруга, делясь спиртным.

Помутненным взглядом Мэри оглядела слабо освещенную и почти опустевшую улицу. Несколько «девочек» ушли с клиентами, под порывами ветра остались только Барб, Элис и Мэри. Элис разговаривала с высоким статным мужчиной в пальто, шляпе и тростью в руках. Блондинка Барб, обхватив плечи руками, переминалась с ноги на ногу немного в стороне. Всех прохожих будто ветром сдуло, и Мэри снова глотнула крепкого напитка.

Вдалеке на городских часах пробило четыре. Мэри с облегчением подумала о том, что ее рабочая ночь подходит к концу, и скоро можно будет нырнуть под одеяло. Внезапно мужчина в пальто вскричал, разозлившись на какую-то фразу Элис, замахнулся и ударил девушку тростью по голове. Элис, как подкошенная, упала на каменный тротуар. Из-под копны огненных волос стала медленно растекаться лужа крови. Барб взвизгнула и бросилась бежать. Однако мужчина с невероятной звериной скоростью настиг её, схватил за кудрявые светлые волосы, рванул и с силой отшвырнул в сторону. Барб ударилась о фонарный столб, со стоном осела, схватившись за разбитый в кровь висок, и так и осталась сидеть неподвижно на тротуаре.

Мэри стояла у стены, будто пригвожденная. То ли неосторожное движение выдало ее, то ли этот человек (*человек ли?*) обладал сверхслухом и услышал лихорадочный стук сердца

или прерывистое дыхание, но он заметил девушку.

Как Мэри осталась тогда в живых – для неё до сих пор загадка. Она видела как мужчина ринулся к ней. На краткий миг свет фонаря, будто вспышка молнии, выхватил из черноты ночи фигуру убийцы. Его лицо было искажено ненавистью, глаза, налитые кровью, полыхали безудержной яростью. Мужчина занёс трость для удара.

Что случилось дальше – Мэри не знала. Она лишь услышала звон в ушах, чёрная мгла заволокла свет, и Мэри потеряла сознание.

Однако если бы девушка не упала без чувств, она увидела бы странную картину. Мужчина уже готов был ударить Мэри тростью, которую держал в левой руке, как вдруг правая рука, будто действовавшая сама по себе, схватила другую за запястье и сильно сжала. Трость выпала из левой руки, глухо стукнувшись о мостовую. Дальше с мужчиной стало происходить что-то странное. Он то пытался схватить трость, то снова одергивал себя. То делал шаг назад, то вновь прыгуче возвращался на прежнее место. Его лицо то искажалось дикой яростью, то мучительным страданием. В мужчине будто бы боролись два существа.

А потом по его телу прошлась судорога, он весь сжался, скорчился, словно от невыносимой боли. В следующий миг от тела мужчины отделилась чернильная уродливая тень с красными угольками глаз. Она стала кружить рядом, пы-

таясь вернуться обратно. Мужчина отмахивался от злобно-го духа, дрожащими губами шепча какие-то слова. Внезапно откуда-то издалека донёлся пронзительный крик петуха. Тень вздрогнула, испустила гневный рык и унеслась прочь.

Несколько секунд мужчина стоял неподвижно, вцепившись в голову руками. Он переводил ошеломлённый взгляд с трупов двух женщин на лежавшую без чувств девушку. Мужчина опомнился, когда услышал пьяные голоса, раздавшиеся за углом. Он подбежал к Мэри, пощупал пульс, затем убрал светлые пряди с лица и потрогал лоб. Кожа пылала огнём. На мгновение девушка открыла глаза, тяжело вздохнула и вновь лишилась чувств. Мужчина, больше не колеблясь, подхватил Мэри на руки и поспешил скрыться в переулке.

Мэри три дня провалялась в постели в горячечном бреду. Её больному воображению виделись страшные, пугающие картины, и с губ девушки то и дело срывался крик. Порой Мэри ненадолго приходила в себя, слышала чей-то успокаивающий шёпот над головой, но потом этот шёпот превращался в злобное шипение, и Мэри со стоном снова впадала в беспамятство.

На четвёртый день ей стало лучше: жар спал, сознание прояснилось, голова гудела не так сильно. Придя в себя, Мэри с испугом обнаружила, что находится в незнакомой комнате. Пожелтевшие старые обои на стенах, маленькая дере-

вянная кровать, рядом столик и колченогий стул, занавешенное окно над изголовьем, обшарпанный шкаф у двери и ручной мойник – вот и всё убранство. Комната слабо освещалась единственной свечой, горевшей на столике.

Мэри захотела встать, но едва она приподнялась в постели, как почувствовала головокружение. В ушах зашумело, а к горлу подкатила тошнота. Мэри устало опустилась на подушки, силясь понять, как и где она оказалась.

В комнате тихо скрипнула дверь, а затем в проеме показалась фигура высокого мужчины. Он, стараясь не стучать ботинками по полу, подошел к кровати Мэри. В руках он держал небольшой чемоданчик, какие с собой носят доктора. Мужчина скинул пальто, перекинул его на спинку стула, поставил чемоданчик на столик, затем поймал на себе настороженный взгляд девушки.

– Вы очнулись, – сказал он. – Очень рад. Как себя чувствуете?

Мужчина чуть отодвинул стул и сел так, что его лицо оказалось в тени. Однако Мэри успела ухватить взглядом отдельные черты: темные волосы с седыми висками, острые скулы, плотно сжатые губы. Она попыталась припомнить, не видела ли этого мужчину раньше, но в голове и без того стоял сплошной туман.

– Спасибо... Кажется, лучше... – ответила Мэри. – Но я ничего не помню. Где я? Как здесь оказалась? И вас я тоже не знаю...

– Только не волнуйтесь, – участливо произнес мужчина. – Я отвечу на все ваши вопросы по порядку. Меня зовут Итан Морроу. Я врач. Вы находитесь в доме одной доброй старушки, миссис Вуд. Три дня назад я принес вас сюда, и все это время миссис Вуд ухаживала за вами. У вас была сильная лихорадка. К счастью, организм справился с болезнью. Еще пару-тройку дней – и вам станет намного лучше.

Мэри скомкала в руках край одеяла, обдумывая услышанное. Потом спросила:

– Но где.. и как вы нашли меня? И почему принесли сюда, а не в больницу?

Доктор Морроу тонкими пальцами тронул ворот рубашки, затем ответил:

– Три дня назад я возвращался с ночного дежурства. У меня частная практика, но иногда я помогаю коллегам в городской больнице. Той ночью я услышал крики на соседней улице и тотчас помчался туда. К сожалению, я не успел вовремя, но я нашел вас, лежащую без сознания. Оставить вас я не мог, и потому принес сюда. При вас не было документов, а в больнице стали бы расспрашивать, кто вы, откуда и чем занимаетесь.

При последних словах горькая тень усмешки мелькнула на бледных губах Мэри. Доктор Морроу помолчал, затем осторожно спросил:

– Что последнее вы помните?

Мэри окунулась в омут памяти, и...

– Ох!

Она закрыла лицо руками и покачала головой. Перед глазами яркими вспышками пронеслись картины той кошмарной ночи.

– Это было ужасно! Мне даже страшно вспоминать об этом. Тот человек... если его можно назвать человеком... он был в такой ярости, и этот его вид...

– Вы помните, как он выглядел? – спросил доктор.

Тон его голоса Мэри показался немного резким. Но, быть может, просто показалось?

– Очень смутно, помню только жуткие красные глаза. В них было столько ненависти...

Мэри поежилась и замолчала. Она силилась вспомнить что-то еще, но сознание будто само заволакивало от нее облик убийцы.

– Нет, к сожалению, больше ничего не могу вспомнить.

Доктор Морроу пододвинул стул ближе. В его светло-голубых глазах отразился желтый огонек свечи.

– Не переживайте, вам больше нечего бояться. Тот человек больше никого не потревожит.

– Откуда вы знаете? Его арестовали?

– Можно и так сказать, – сказал доктор, а затем добавил: – А ведь я до сих пор не знаю вашего имени.

Мэри помолчала пару мгновений. Ее немного удивил уклончивый ответ доктора. Однако продолжать разговор на неприятную тему она не стала.

– Меня зовут Мэри. Мэри Белл.

– Рад нашему знакомству, мисс Белл.

Доктор улыбнулся, и вокруг его глаз расплылись тонкие лучики морщин.

– Ну что ж, на сегодня разговоров достаточно. Вам следует хорошенько отдохнуть. Сейчас я осмотрю вас, затем распоряджусь, чтобы миссис Вуд принесла воды и горячего бульона.

– Спасибо, доктор. Даже и не знаю, как вас и благодарить, – взволнованно сказала Мэри. – Вы спасли мне жизнь.

– Я врач. Это моя работа, – ровно произнес доктор Морроу, затем печально добавил: – Жаль, что я не смог спасти других.

– Вам не стоит винить себя. Все произошло так быстро... Что вы могли сделать?

Доктор Морроу задумчиво посмотрел на девушку, хотел было что-то сказать, но промолчал. Потом все же произнес:

– У меня к вам предложение.

– Предложение? – удивилась Мэри.

– Мне нужна кухарка, – сказал доктор. – Та, что работала у меня, недавно вышла замуж и уехала. А мне порядком надоело ходить по гостям или в рестораны, чтобы вкусно поесть. Буду рад, если вы согласитесь взяться за эту работу. Конечно, только после того, как поправитесь. Вы ведь умеете готовить?

Мэри ошеломленно смотрела на доктора, не понимая, го-

ворит он всерьез или смеется над ней.

– Умею, – выдохнула она. – Но разве вы не знаете, кто я?

– Знаю, – просто ответил доктор. – Кем вы были раньше – не имеет значения. Я хочу помочь. А ваше согласие я восприму как благодарность. И пусть о вашем прошлом будем знать только мы вдвоем.

Бледная восковая свеча догорала на столике. На стенах и на полу плескались черные тени. Доктор Морроу внимательно смотрел на девушку и ждал ответа.

И Мэри не стала медлить, согласившись с таким неожиданным и ценным предложением.

Ей до сих пор не верилось, что прошел целый год, как она стала работать у доктора Морроу. Мэри приходила в дом на Девятой улице рано утром, готовила завтрак, накрывала стол, потом прибиралась в комнатах, ходила на рынок, в булочную, мясную лавку, готовила ужин и после девяти вечера возвращалась в ту самую комнатку, куда однажды Мэри принес доктор Морроу. Эту комнатку когда-то снимала бывшая кухарка доктора. Добрая старушка миссис Вуд разрешила Мэри остаться здесь за небольшую арендную плату.

С доктором Мэри виделась нечасто. Он уходил сразу после завтрака, возвращался поздно, иногда работал по ночам. Порой и за несколько дней Мэри и доктор Морроу не перекидывались и парой слов. Но бывали редкие моменты, ко-

гда доктор просил Мэри ненадолго задержаться и составить ему компанию за ужином. Обычно он рассказывал истории из своей врачебной практики, и смешные и грустные. Мэри не всегда понимала, где нужно улыбнуться, а где – печально вздохнуть. Она вообще мало что смыслила в медицине, но старалась делать вид, что ей интересно.

Рыжее пламя свечи трепетало внутри фонаря Джека. Мэри оторвала взгляд от мерцающего огонька и вернулась из тумана воспоминаний. Она оглядела три миски, доверху полные кусочками тыкв и вздохнула. Пора было приниматься застряпню. К вечеру праздничный тыквенный пирог должен быть готов. Мэри вытерла руки о передник, взяла карточку с рецептом и стала читать по слогам.

Хлопнула входная дверь, в коридоре послышались шаги. Мэри вздрогнула и недоуменно приподняла брови. «Мистер Морроу? В это время?» Она взглянула на часы, висевшие над кухонной дверью. Стрелки показывали без четверти пять. Доктор Морроу никогда не приходил так рано.

Минуту Мэри раздумывала, что делать, потом бросилась готовить. Когда, наконец, пирог отправился в печь, и Мэри присела за стол немного передохнуть, в кухню вошел доктор Морроу. Девушка тотчас подскочила – она совсем не ожидала его прихода.

– Мэри, мне нужна ваша помощь, – произнес он без лишних предисловий. Такая у него была черта – доктор Морроу часто бросался в разговор с ходу, будто прыгал в воду с вы-

сокой скалы.

– Конечно, все, что угодно, – отозвалась Мэри, но внутренне напряглась.

Ее обеспокоило и раннее возвращение доктора домой, и неожиданный визит на кухню, и его странный вид. Всегда ровно уложенные волосы сейчас были взъерошены, жилет и верхние пуговицы на рубашке расстегнуты, один рукав закатан, а второй – свободно болтался. В глазах стоял лихорадочный блеск, а сам доктор Морроу то и дело подносил руку ко рту и начинал грызть ногти, чего Мэри никогда за ним не замечала.

Доктор принялся вышагивать по кухне, будто раздумывая, что сказать. Наконец, он остановился и резко спросил:

– Мэри, вы верите в духов?

Девушка опешила и сначала не нашлась, что ответить.

– Простите, мистер Морроу, я не понимаю. Вы говорите про призраков, привидений?

– Да-да, называйте их, как хотите. Знаю, мой вопрос звучит странно. Нет, я не сошел с ума. Но сегодня снова эта ночь... и я боюсь, что он... – доктор осекся, косо глянул на Мэри, потом снова зашагал по кухне, говоря: – Вы же знаете, сегодня Ночь Духов, когда нечистая сила может вернуться из другого мира. Он тоже может вернуться, и все повторится... поэтому нужно как-то защититься...

Доктор говорил странные вещи, отчего Мэри не на шутку испугалась за его душевное состояние.

– Так чем я могу вам помочь? – осторожно спросила она. Доктор замер, взгляд его упал на тыквины с вырезанными рожицами.

– Вот! Вот что мне нужно! – вскричал доктор Морроу. – Все, что может помешать проникновению духов в дом. Кроме светильника Джека, знаете ли вы еще какие-нибудь обереги, талисманы против нечисти? Обряды, может... не знаю, что обычно делают в эту Ночь...

Мэри непонимающе захлопала глазами.

– Да не смотрите на меня как на сумасшедшего! – бросил доктор. – Я говорю серьезно. И ответьте наконец, знаете ли вы, как не впустить духов в дом или нет? Если не знаете, тогда можете быть свободны.

Доктор Морроу опустился на табурет, развернул одну из тыкв к себе «лицом» и хмуро посмотрел на нее. Мэри нервно сминала край пожелтевшего фартука. Она не хотела терять расположения доктора и со страхом подумала, что если сейчас не сможет ничего ответить, поддаться этой странной игре – доктор выгонит ее. И Мэри судорожно начала рыться в памяти, выуживая все, что так немного знала о Кануне Дня всех святых.

– Светильники Джека ставят у входа. Еще свечи на окна, – заговорила Мэри. – И сегодня нужно веселиться и праздновать. Говорят, духи обходят стороной дома, где слышат смех.

Лицо доктора немного просветлело. Он отвернул от себя тыкву, хлопнул по столу и встал.

– Что ж, тогда будем веселиться и праздновать, – сказал доктор, но в его словах не было слышно радости. – Вы ведь составите мне сегодня компанию?

– Конечно, – согласилась Мэри.

За окном жалостливо подвывал ветер. В темном стекле дрожали огни свечей, расставленных на подоконнике. По столовой кружились ароматы горячего тыквенного пирога, тушеного мяса с тыквой и сладковато-приторных яблок в черной карамели. На праздничном столе в центре водворилась большая тыква – светильник Джека.

Несмотря на все старания доктора, который пытался шутить и рассказывать веселые истории, Мэри чувствовала растущее напряжение. Она подлила еще немного пунша в бокалы, надеясь, что горячий напиток поможет доктору унять тревогу. Однако за весь вечер доктор Морроу сделал лишь пару глотков. Мэри тоже не стала много пить, хотя привычка по вечерам пригубливать ром так и тянула руку к бокалу. Но Мэри не хотела, чтобы доктор узнал о ее пристрастии, и потому вскоре даже отодвинула пунш в сторону.

Старые напольные часы с маятником, стоявшие в углу, начали громко и монотонно отбивать одиннадцать. Доктор Морроу, облокотившись о стол, закрыл лицо руками. По его напряженному виду было заметно – его что-то мучает, терзает. Мэри больше не могла молча смотреть на его страдания и не понимать, что происходит. Едва часы отбили последний

удар, и в столовой зазвенела тишина, Мэри, мягко дотронувшись до плеча доктора, спросила:

– Мистер Морроу, скажите, я могу вам чем-то помочь?

Доктор убрал руки от лица и посмотрел на девушку. Его глаза были полны горечи, жгучей и едкой, разъедающей душу насквозь.

– Нет, Мэри, сомневаюсь, что вы поможете мне хоть чем-то.

Он вдруг взял руку Мэри в свои ладони. Девушка вздрогнула – не от его неожиданного прикосновения. Руки доктора были ледяными, словно у мертвеца.

– Мэри, я не хочу пугать вас, но я должен предупредить: этой ночью со мной может произойти что-то страшное. Если вы увидите, что я веду себя не так, как обычно, знайте: это уже буду не я, а нечто иное, злое и безжалостное.

– И все-таки вы меня пугаете, мистер Морроу, – Мэри выдернула свою руку из ладоней доктора и встала из-за стола. – Вы говорите загадками. Объясните толком, что значат эти слова и ваше поведение нынешним вечером.

– Вы правы, мне стоит объясниться, – сказал доктор. – Вам лучше присесть. То, что я расскажу, мало похоже на правду. Но уверяю вас – все именно так и было.

Мэри опустила на стул, от волнения растирая руки.

– Знаете, я не всегда был таким спокойным, уравновешенным человеком, – начал доктор. – С самого детства я страдал неуправляемыми вспышками гнева. Я мог разозлиться

на кого и на что угодно. И чтобы прийти в ярость, мне часто хватало пары минут. Мой отец строго наказывал меня, если я снова начинал кричать и размахивать кулаками. Я был ребенком и не знал, как бороться с внезапными приступами гнева. Поэтому, чтобы меня не били, я просто стал подавлять в себе злость, обиду, раздражение. Со временем я начал вести себя более разумно, иногда мне даже казалось, что я победил своих внутренних демонов. Но однажды на какой-то вечеринке я перебрал лишнего, разозлился на чью-то сказанную глупость и... чуть не убил человека.

Доктор ненадолго замолчал, а Мэри отхлебнула теплый пунш.

– После того случая я загорелся идеей раз и навсегда избавиться от этой пагубной силы. Но как это можно было осуществить, я не знал. Ох, сколько же я перечитал разных ученых трудов – сначала признанных научных сообществом. Потом – не найдя в них ответа – принялся за книги лжеученых и алхимиков. Как-то раз мне попала заметка о некоем докторе, жившем в Лондоне, которому удалось раздвоить свою личность. Он отделил злое, порочное начало от доброго и получил два разных человека в одном теле. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы узнать, как ему это удалось. Я нашел формулу и создал почти похожий эликсир. Провел много экспериментов, прежде чем добился нужного результата. Вся ярость, которая копилась во мне годами, вышла наружу в виде уродливого, страшного духа, похожего на тень.

Но я не хотел оставлять ее, как тот доктор, я хотел избавиться от нее навсегда. Ритуал оккультной магии мне помог – однажды ночью в Канун Дня всех святых я изгнал Тень в мир иной. И тотчас почувствовал облегчение, будто до этого был придавлен булыжником.

Доктор вновь замолчал, сложил руки за спину и подошел к окну. Он поглядел в темные стекла, за которыми разлилась холодная ночь.

– Я был уверен, что избавился от своей злой сущности навсегда, – продолжил доктор. – Но моя Тень вернулась. Ровно год назад, в полночь, она пришла из другого мира, еще более разгневанная и злая, чем была раньше. Тень овладела моим телом так быстро, что я даже не успел ничего сообразить. Она натворила непоправимых бед, из-за нее пострадали люди, и, мне кажется, я никогда не смогу искупить содеянное ею.

Повернувшись к Мэри, доктор добавил:

– Тень придет ко мне сегодня, я чувствую это. И боюсь. Не за себя – за других. А больше всего за вас, Мэри.

Девушка встрепенулась и с тревогой взглянула на доктора. Все это время Мэри внимательно его слушала. Какое-то темное, смутное чувство шевелилось в глубинах ее души. Мэри не до конца понимала, о чем говорил доктор, но с каждым его словом внутри разрасталось ощущение надвигающейся беды.

Одна из свечей, горевших на столе, вдруг на пару мгно-

вений зажглась синим пламенем, а затем потухла, будто ее кто-то погасил.

– Он здесь, – в ужасе прошептал доктор Морроу. – Мэри, что бы дальше ни случилось, что бы я ни делал, что бы ни говорил – знайте, это уже буду не я.

Слова доктора напугали ее еще больше. Мэри вскочила со стула, случайно зацепив рукой бокал с недопитым пуншем. Бокал полетел на пол и разбился с оглушительным звоном. Мэри кинулась собирать осколки. Ледяной порыв ветра пронесся рядом. Мэри удивленно вскинула голову – откуда бы здесь быть сквозняку? И в тот же миг увидела, как доктор Морроу, скрестив руки перед собой, словно защищаясь от кого-то невидимого, упал на пол.

– Как ты вернулся? Как смог?

– Думал, дурацкие свечки и тыквы защищают тебя от сил с того мира? Тебе нужно было придумать что-то более действенное. За то время, что меня не было, я многому научился. А самое главное, я знаю, как мне остаться здесь надолго.

– Я не позволю творить зло. Рано или поздно, но я верну тебя обратно.

– Нет, Итан, больше тебе не получится от меня избавиться. Повторюсь: теперь я знаю гораздо больше, чем ты можешь себе представить. И сил у меня тоже достаточно. А теперь проваливай! Схоронись где-нибудь поглубже и не вздумай мешать.

Доктор упал и стал корчиться, извиваться, будто изнутри его кто-то душил. Мэри бросила осколки и подбежала к доктору. Она встряхнула его пару раз со словами:

– Мистер Морроу, очнитесь! Что с вами? Очнитесь!

Лишь через минуты две судорожные подергивания прекратились, и он обмяк. Мэри снова потрясла его, пытаясь привести в чувство. Затем кинулась к столу, за водой. Едва она успела схватить стакан, как увидела, что доктор пришел в себя. Он медленно поднялся и обвел комнату таким взглядом, будто впервые здесь оказался.

А потом довольно улыбнулся. Его взор упал на Мэри. Он оглядел ее молча, изучающе, словно вспоминая, кто это перед ним стоит. Миг – и в его глазах полыхнуло красное пламя злобы и ярости. Мэри в страхе качнулась. Ей показалось, будто это те самые глаза, что она видела год назад.

Но наваждение исчезло так же быстро, как и появилось.

– Благодарю за проведенный вечер, дорогая Мэри, – сказал доктор. – Пожалуй, пора расходиться. Приберите тут да ступайте к себе. Сегодня вы мне больше не понадобятся.

Доктор резко развернулся и вышел из столовой. Мэри почувствовала дрожь в коленях и схватилась за спинку стула. Тревога липкой паутиной опутывала душу. Точно ли это был доктор или уже нет? На вид он остался прежним, но что-то неуловимое изменилось в нем. Кажется, голос стал чуть грубее, походка более пружинистой, а движения резче. Но са-

мое главное – глаза. Они больше не светились добром.

Мэри, пытаясь унять волнение, принялась собирать со стола посуду. Через пару минут на лестнице закрипели половицы – доктор стремительно спустился вниз, надел пальто и шляпу и вышел из дома.

Повинуясь неясному импульсу, Мэри бросилась в прихожую, выхватила из кладовки плащ и, на бегу одевшись, выскочила на улицу вслед за доктором. Она не отдавала себе отчета, что делает, но чувство разъедающей душу тревоги не оставляло ее. Мэри не знала, как она сможет помочь своему благодетелю, но оставаться дома, в неведении и бездействии, тоже не могла.

Доктор завернул за угол, и девушка поторопилась следом. Он шагал по освещенной улице быстро, отрывисто, не оглядываясь, будто знал, какой дорогой идти, шел, ни разу не остановившись, не задумавшись, куда повернуть. Мэри едва поспевала за ним и старалась держаться в тени, огибая круги света от фонарей. В глубине души она надеялась, что доктор торопится на срочный вызов. Но в доме звонка она не слышала, поэтому едва ли доктор направлялся к больному.

Худшие опасения Мэри подтвердились, когда доктор Морроу направился в сторону кварталов, куда приличный человек не пойдет посреди ночи. Да и днем туда лучше не заходить. К сожалению, Мэри слишком хорошо знала тот район и понимала, с какой гнилью можно там столкнуться. И всё же она шла. Зачем? Почему? Мэри и сама не понимала.

Разве сможет она уберечь от беды этого человека? Да и на самом ли деле сейчас доктор – это человек?

Мэри замерла только тогда, когда увидела, куда пришел доктор. Та самая улица, продуваемая промозглым ветром. Тот самый дом, где в комнате с обшарпанными стенами Мэри принимала клиентов. То самое место, где год назад случилось страшное. Будто наяву, Мэри вновь увидела растекшуюся лужу крови на мостовой, стеклянные глаза Элис, застывшую в ужасе гримасу Барб. Девушку затрясло, к горлу покатилась отвратительная тошнота.

Фонари на улице горели слабо – здешним обитателям ни к чему был яркий свет. Доктор Морроу остановился в тени, прислонился к стене дома и стал разглядывать девиц в ярких откровенных нарядах на противоположной стороне улицы. Мэри наблюдала за ним из-за темного угла. Всё нутро ее кричало: «Беги!» – но Мэри словно пригвоздили к месту. Тревога за доктора – за того, *хорошего*, доктора – любопытство и липкий противный страх не давали ей двигаться с места. Мэри так увлеклась слезкой, что забыла о других опасностях этих злчных мест.

Выходя из черного проулка, на нее натолкнулся какой-то мужчина, пропахший дешевым табаком и резким запахом одеколona.

– Ну, что встала тут, сладкая? – воскликнул знакомый до омерзения голос.

Мэри тотчас поняла, кто это. Мистер Харрингтон, ее быв-

ший сутенер. Девушка шагнула назад, поглубже в темноту. Мэри не хотела, чтобы он узнал ее. Однако у мистера Харрингтона был зоркий глаз и не менее прекрасная память.

– Мэри? Ты? Вот так встреча! – хриплым голосом произнес он и придвинулся к ней.

Мэри прижалась спиной к ледяной каменной кладке.

– Ты что здесь забыла, сладкая моя? – спросил он, а затем, оскалив зубы, ехидно произнес: – Работку ищешь?

– Она со мной, – раздался рядом грубый голос доктора.

По телу Мэри пробежала нервная дрожь, когда она увидела его темный силуэт в проулке. Доктор подошел к девушке, схватил за руку и дернул к себе.

– А ты еще кто? На другого работаешь, мерзавка, и сюда заявилась? – ощерился Харрингтон и занес руку для пощечины.

Но доктор Морроу мгновенно перехватил его мясистую руку и сжал с такой силой, что Харрингтон заскулил. В глазах доктора вспыхнула ярость.

– Я же сказал: она со мной, – процедил он. – Пшел прочь!

Доктор оттолкнул Харрингтона, и тот, потирая запястье, сделал пару шагов назад. Но едва доктор Морроу обернулся к Мэри, как Харрингтон выхватил нож и бросился на противника. Реакция доктора была молниеносной. Он ловко увернулся от удара и отпрыгнул в сторону, оказавшись чуть позади Харрингтона. Затем накинулся на него, заломил руку и отобрал нож. В глазах доктора горел огонь, а сам он был

похож на разъяренного дикого зверя. Харрингтон испуганно дернулся назад, но в следующий миг его грудь прожгло от резкой боли – доктор вонзил ему нож между ребер. Потом ещё и ещё. Харрингтон мешком повалился на землю. Его глаза застыли от ужаса и удивления, изо рта хлынула кровь, коричневый сюртук окрасился багровым.

Мэри, не помня себя, бросилась на доктора Морроу, и закричала:

– Хватит! Прекратите!

Доктор, с иступлением продолжавший колоть Харрингтона, резко обернулся и зарычал. Мэри в страхе отпрыгнула в сторону. «Беги!» – кричал ее разум, но девушка встала столбом, словно этот безумный взгляд, как и в прошлый раз, загипнотизировал ее.

Доктор Морроу поднялся и двинулся с ножом на Мэри.

«Нет! Не смей ее трогать! Гнусная тварь! Отойди от нее!»

Доктор внезапно замер.

«Эта девица тебе дорога? Она важна для тебя?» – спросил язвительный голос в голове доктора.

«Да, она дорога мне! Не смей ее трогать! Хотя бы ее...»

«Вон оно что... Пожалуй, я не буду убивать ее сейчас. У меня появилась замечательная идея. Я покажу тебе, как

она мучается. А ты будешь страдать вместе с ней, в бессилии глядя на то, как она приближается к смерти. Почувствуешь на своей шкуре, каково было мне в преисподней, куда ты меня отправил, и расплатишься за все мои муки».

«Что ты хочешь сделать?!»

«Сейчас узнаешь. Погляди, что я теперь умею».

Мэри стояла не шелохнувшись. Доктор замер перед ней на пару мгновений, а потом резко схватил девушку за руку, вытер окровавленное лезвие о ее плащ и вложил нож в ладонь Мэри. Затем взял девушку за подбородок и прожег взглядом.

Все вокруг Мэри расплылось и почернело. Перед собой она видела только пылающие, как угли в кузнечном горне, красные глаза. В голове зашумел чужой голос, вкрадчивый, глубокий, будто доносившийся откуда-то из глубин.

«Теперь ты – убийца».

Доктор Морроу оставил оцепенелую девушку, выскочил из проулка и закричал:

– Помогите! Тут человека убили!

А затем скрылся в темной подворотне. На его крик прибежал какой-то мужчина, за ним подтянулись две проститутки. Одна из них истошно завопила, когда увидела на земле искромсанное тело и неподвижно стоящую девушку с ножом в руке. Мэри очнулась только в этот миг, разжала ладонь, согнулась пополам, и ее стошнило.

В зале суда слышались негромкие разговоры и перешептывания. С минуты на минуту должен был появиться судья и объявить приговор.

Мэри сидела на скамье подсудимых, опустив голову. Она исхудала, лицо осунулось и стало таким же серым, как и платье, которое Мэри носила вот уже третью неделю подряд. Именно столько велось следствие по делу об убийстве мистера Харрингтона, совершенное в ночь на 1 ноября 18.. года. Дело было бы завершено намного раньше, так как вина подозреваемой была налицо: ее схватили на месте преступления с ножом в руках. Но вскоре обнаружили, что ровно год назад на той же улице были совершены два других убийства. И хотя они имели иной характер, следователь связал нынешнее и прошлогодние преступления в одно дело и выдвинул обвинения против мисс Белл по трем убийствам. Мотивы были объяснены просто – первые два убийства мисс Белл совершила из-за какой-нибудь глупой ссоры со своими товарками, а третье – из чувства мести, так как мистер Харрингтон отличался скверным характером, был жаден до денег и частенько измывался над своими «девочками».

Все слушание Мэри просидела неподвижно, глядя в одну точку в полу. Она уже ничего не ощущала, чувства давно утонули в омуте души. Три недели следствия, изнурительных допросов, дней и ночей, проведенных в камере, вымо-

тали ее. Остались лишь усталость и мысль об одном – скорее бы все кончилось.

В зал вошел судья и начал читать длинный приговор. Для Мэри голос судьи доносился словно из тумана, глухо, обрывками. Ударом набатного колокола раздалось в ушах Мэри последние предложения приговора: «... признается виновной. Мисс Мэри Белл назначается наказание в виде смертной казни через повешение».

И хотя Мэри не надеялась на другой исход событий и с содроганием осознавала, какой приговор ей озвучат, она почувствовала, как внутри все перевернулось. Грудь сжало горячими тисками, дыхание перехватило. Мэри прикрыла веки, и слезы покатались по холодным щекам.

Затем она подняла голову, обернулась и поискала взглядом доктора Морроу. Мэри знала, что он уже давно был не тем человеком, у которого ей посчастливилось работать весь прошедший год. Доктор Морроу превратился в желчного, грубого циника. Он давал свидетельские показания не в пользу Мэри, еще больше усугубив ее положение, и глядел на нее с недоброй усмешкой. Но Мэри не питала к нему ненависти. Ей было жаль доктора Морроу. За три бесконечных недели она многое обдумала и осознала. Мэри понимала: доктор совершил роковую ошибку, полагая, что может обмануть природу. Теперь он будет расплачиваться за свои действия, глядя на то, как его Тень губит одну душу за другой.

Взгляды Мэри и доктора Морроу встретились. Он посмотрел на нее с равнодушием. Мэри слегка покачала головой и прошептала: «Что же вы с собой сделали, мистер Морроу?» На пару мгновений его лицо прояснилось, в светло-серых глазах затеплился огонек искренней и доброй души, а с губ сорвались неслышные слова. Но через секунду доктор Морроу вновь превратился в чудовище под личиной человека, с опасным блеском во взгляде и кривой ухмылкой на губах. Он был доволен собой.

Мэри Белл была казнена 28 ноября 18.. года. На казни присутствовало немного людей. Среди них видели доктора Морроу, который, по словам одного из очевидцев, вел себя несколько странно: то улыбался, то плакал. После того дня он и вовсе пропал. Полиция искала его около месяца. Наконец, доктора Морроу обнаружили в доме для умалишенных, куда по словам врачей, он привел себя сам неделю назад. Доктор Морроу настоятельно просил связать его, запереть в одиночной палате и ни под каким предлогом не разговаривать с ним. Однако за день до приезда полиции доктора Морроу нашли мертвым. Он лежал в кровати, пристегнутый ремнями, а его бескровное лицо выглядело так, будто на нем высекли две половины. Одна часть лица сохранила добродушное, спокойное выражение, а вторая исказилась от гримасы ненависти и гнева. Причины его смерти не были точно установлены и для многих остались загадкой. Вскрытие обнару-

жило многочисленные внутренние кровоизлияния, все внутренние органы были в кровоподтеках, будто доктора Морроу били изнутри, хотя снаружи никаких следов увечий не нашлось. К таинственной смерти прилагалась таинственная записка, которую случайно заметили в левом кулаке. Когда кулак разжали, из ладони выпала бумажка с нацарапанными наспех словами: «*Мэри, прости*».

3.04.2023